

Имена

К 75–летию
Вадима Максовича
Гальперина
(1933–1999)

«В условиях ограниченности ресурсов проблема выбора, порождаемая конкуренцией за их использование, неустранима, а борьба с ней — бесполезна. Можно заставить конкуренцию принять ту или иную форму, облегчить или затруднить осуществление выбора. Задача состоит не в устранении конкуренции, а в том, чтобы придать ей цивилизованные, человеческие формы, заставить ее работать на благо людей».

Шестой том альманаха по традиции открывает рубрика «Имена», на этот раз она посвящена личности выдающегося российского экономиста В. М. Гальперина. В марте 2008 года Вадиму Максовичу исполнилось бы 75 лет. Редакция альманаха публикует воспоминания коллег об ученом, авторе знаменитого учебника, и обаятельном человеке, оказавшем глубокое влияние на становление профессионального экономического мировоззрения в России и русскоговорящем пространстве.

М. А. Иванов. Вехи пути

Публичка

Полжизни Вадим Максович Гальперин (В. М.) провел в Публичке. И этого уже достаточно для того, чтобы безошибочно определить, к какому типу людей он принадлежал.

Люди, «живущие» в библиотеках, представляют особую породу. Постоянное чтение становится не только устойчивой привычкой, но и образом жизни. В ГПБ (ныне Российская национальная библиотека) В. М. осваивал знание английского языка, истории, архитектуры, математики, изучал российскую и западную экономическую мысль. Много времени посвящал чтению поэзии, многое знал на память. Особенно любил Александра Блока и Гарсиа Лорку. Возвращаясь с работы по Садовой, а потом через переулок Крылова, он не раз с завистью говорил о том, что И. А. Крылов жил в библиотеке.

Сотрудничество со второй половины 1980-х годов с отделом иностранного комплектования библиотеки приносило В. М. радость открывшихся возможностей и помогало библиотеке формировать фонды.

Лаборатория цен

В. М. проработал в лаборатории с конца 1960-х более двадцати пяти лет. Атмосфера здесь была близка к академической, режим присутствия — два дня в неделю. Московское начальство далеко. Процветали свободомыслие и дружественная обстановка. В лаборатории началась благополучная полоса жизни. Именно здесь были написаны и опубликованы в академических журналах важные для профессионального становления В. М. статьи. Продолжалось интенсивное самообразование и появилась естественная для творческого человека потребность переосмыслить идеологическую зону, примирив ее догмы с общемировым научным пространством.

Много сил и времени В. М. посвятил истории экономической мысли и истории народного хозяйства, откройте любую его работу и практически всегда вы найдете в ней исторический обзор вопроса, таким был его метод исследования, и благодаря ему публикация получала всеохватный энциклопедический характер. При этом, как правило, он не оставлял без внимания и этимологию терминов, его волновала судьба профессиональной лексики русского языка.

Мучительная однобокость послесмитовского марксизма, не признававшего субъективной природы полезности, а приписывающего ценность самому товару, была занозой сознания и заставляла тратить драгоценное время на доказательство очевидного (глава третья учебника «Микроэкономика»).

Когда в конце 1980-х стало возможным говорить на нормальном языке, открылась дорога для полноценного труда.

Вадим Максович ясно осознавал, как щедро распорядилась судьба, позволив ему, в отличие от многих так и не доживших, быть свидетелем и участником новой жизни.

Серия статей, посвященных эффективности капиталовложений, собрана в приложении к учебнику «Микроэкономика», первый том которого вышел в 1994 году, а второй — в 1997 году.

Несколько оригинальных гипотез были высказаны еще в докторской диссертации (1982 год) и потом также заняли свое место в приложениях к учебнику.

Важными В. М. считал идею о цене как статистической характеристике рынка (глава вторая учебника), гипотезу о неопределенности равновесия (лекция 20 в журнале «Экономическая школа»), сюжет об очередях (глава пятая).

ФинЭК

В благоприятной атмосфере на кафедре цен еще за несколько лет до официальной и обязательной смены доктрины была предпринята успешная попытка создать курс микроэкономики под названием «Ценообразование» и читать его всем факультетам Финэка. Чтение студентам лекций с 1988 по 1993 год позволило В. М. упорядочить накопленный материал, повлияло на формирование замысла учебника. Интересен также опыт обучения и переобучения преподавателей, довольно быстро оценивших возможности применения несложной математики и графических иллюстраций как инструментов освоения новой логики предмета, который позволял понять самим и объяснить студентам множество явлений окружающей реальности.

Экономическая школа

В начале 90-х началась интенсивная для В. М. работа над составлением и редактированием серии изданий «Вехи экономической мысли» и подготовка серии «Этическая экономия». Параллельно создавался первый том учебника, писались статьи в журнал «ЭШ», шла напряженная регулярная работа редколлегии в форме научного семинара.

Для создания второго тома учебника очень важна была работа над редактированием русского перевода книги Жана Тироля (*The Theory of Industrial Organization*), способствовавшая тщательному изучению теории несовершенных рынков. Значительным и интересным для себя В. М. считал применение в теории несовершенных рынков теории игр (одиннадцатая глава учебника).

В. М. высказывал предположение о том, что возникновению фашизма в Европе, в отличие от США, способствует усиление протекционизма и монополизации (десятая глава учебника и предисловие редактора перевода к книге Ж. Тироля).

Когда второй том учебника был издан, В. М. сказал: «Сбылась мечта идиота».

«Я никогда еще так много не работал», — говорил он. Но это острое желание дорабатывать и дополнять учебник не было реализовано.

Возможно, эти годы и были самыми счастливыми в его жизни.

П. А. Ватник

Поднимитесь к Гальперину!

Мое личное знакомство с В. М. Гальпериным относится к последнему десятилетию его жизни и связано главным образом с совместной работой в редколлегии журнала «Экономическая школа».

Что больше всего поражало в Вадиме Максовиче — так это невероятный объем познаний в экономике и во всем, что с экономикой связано. Разумеется, он был высокоэрудированным человеком. Казалось, он прочитал все, что когда-либо было написано — и античными авторами, и европейцами всех времен, и американцами. Он блестяще знал работы российских экономистов — и дореволюционных, и советских, и эмигрантов.

Но дело не в одной только эрудиции, которая нарабатывается чтением книг. В разговорах с Вадимом Максовичем, при чтении его статей, в ходе общих редакционных обсуждений возникало ощущение, что всю экономическую науку он сам передумал, перечувствовал, словом, пережил. И к такому же сопереживанию он побуждал собеседников, подкидывая парадоксальные утверждения и провоцируя дискуссии. Например:

— Что такое международная торговля? Торгуют ведь не страны со странами, а люди с людьми, фирмы с фирмами.

Или:

— Конкуренция существует, пожалуй, только на олигополистических рынках.

— Почему, Вадим Максович? — изумлялся кто-то из молодых людей. — А как же совершенная конкуренция?

— В этом отношении она похожа на совершенную монополию. Монополист имеет дело лишь со стихией спроса. Фирма в условиях совершенной конкуренции, если бы таковая существовала, имела бы дело тоже со стихией — спроса и чужого предложения. Она приспособливалась бы к заданной рынком цене. Когда идет дождь, вы раскрываете зонтик — вот и все ваше приспособление к стихии. Какая тут конкуренция?

Или еще — при обсуждении различий между капитальными благами и благами текущего потребления:

— Яичница существует в форме запаса, стало быть, яичница — это капитал, источник потока полезности. А полезность доставляет вкус яичницы.

Два обстоятельства весьма характерны и для устных высказываний, и для печатных работ В. М. Гальперина. Во-первых, он рассматривал микроэкономи-

ку как единое целое и к обсуждению любого конкретного вопроса привлекал едва ли не все ее разделы. Во-вторых, всякое утверждение он рассматривал как эпизод в историческом движении научной мысли и сопоставлял его с тем, что по этому поводу писали, скажем, Мильль, Вальрас или Алчиан.

Эти черты присущи и научным, и учебным работам Вадима Максовича. Все написанное им — это помимо всего прочего хорошая литература. Его статьи в «Экономической школе», его учебник микроэкономики существенно отличаются от того, что принято считать «нормальными» учебными текстами. Это скорее размышления вслух автора, который ненавязчиво приглашает читателя принять в них участие. Здесь слышатся интонации и даже голос Вадима Максовича. Вместо привычного «линейного» изложения учебного материала автор предлагает вам своеобразный рассказ со многими отступлениями, сопоставлениями, ссылками на суждения ученых мужей (от Аристотеля, в свою очередь, сославшегося на Фалеса Милетского, до современников, печатавших свои работы в 1990-е годы), цитатами из Пушкина, Достоевского, Льва Толстого, писавших как будто совсем о другом. В подстрочных примечаниях мы находим биографические справки, библиографические комментарии, сведения об истории появления той или иной работы, рассуждения о терминах и еще много другого. Словом, это сложные многослойные тексты; и, как я заметил, даже люди, хорошо владеющие предметом, — преподаватели, научные работники — открывают в давно знакомом материале не меньше нового, чем неискушенные студенты.

Если бы существовало экономическое литературоведение, то специалисты в этой области, вероятно, отметили бы любимый прием В. М. Гальперина. К примеру, дискуссию Марка Теренция Варрона с Марком Порцием Катонем о соотношении числа рабов и площади оливкового сада он интерпретирует как обсуждение характеристик производственной функции. С этой же точки зрения он рассматривает понятия технического и органического строения капитала у Карла Маркса. А рассмотрение предельной выручки монополиста он начинает с цитаты из письма Пушкина, в которой тот задается вопросом: что выгоднее — напечатать 20 000 экземпляров одной книги и продать по 50 копеек или напечатать 200 экземпляров и продавать по 50 рублей?

Все эти черты прослеживаются и в докторской диссертации Вадима Максовича. Тема диссертации — «Экономическая оценка машин (вопросы методологии)».

Здесь уместно рассказать (или напомнить), каково было принятое в нашей стране понимание этой проблемы в то время. Для разрабатываемой машины определялись две границы цены. Так называемая нижняя граница определялась затратами производства машины; верхняя граница определялась как капитализированная экономия при использовании «новой» машины в сравнении с существующей машиной того же назначения (в пересчете на одинаковую производительность сравниваемых вариантов). Если показатель нижней границы оказывался больше показателя верхней, то разрабатываемый вариант признавался неэффективным и отклонялся. Если же больше оказывалась верхняя гра-

ница, то разность между показателями рассматривалась как величина народно-хозяйственного эффекта. Цена машины могла назначаться в промежутке между нижней и верхней границами, и в зависимости от ее значения эффект распределялся между производителем и потребителем машины. Любое значение цены в названном промежутке делало производство и использование машины выгодным для ее изготовителя и потребителя, и выбор цены определялся соображениями хозяйственной политики, а именно тем, какая отрасль должна получить больший эффект.

Вадим Максович детально проанализировал этот подход и отверг все его выводы. Во-первых, он показал, что затраты на производство зависят от количества машин и что следует говорить не о «нижней границе» цены, а о цене предложения, зависящей от объема. Во-вторых, экономия от использования машин (если придерживаться этой системы понятий) неодинакова для различных экземпляров, так что имеет смысл говорить не о «верхней границе», а о цене спроса, в свою очередь, зависящей от объема. Если диапазоны значений цены спроса и цены предложения перекрываются, то общественный оптимум достигается при установлении цены на уровне равновесия. В диссертации излагается новая, статистическая, точка зрения на равновесную цену. Если считать число предлагаемых экземпляров равным числу спрашиваемых, то равновесная цена оказывается медианой объединенного множества значений цен спроса и предложения (в противном случае множество спрашиваемых экземпляров можно дополнить до равенства нужным числом фиктивных экземпляров с нулевой ценой спроса либо, наоборот, дополнить множество предлагаемых экземпляров, задав для них заведомо слишком высокую цену). Если число экземпляров велико и их распределение по цене можно считать непрерывным, то медиана (цена равновесия) определяется однозначно. Если же целочисленность существенна, то середина ранжированного ряда цен с числом членов $2N$ окажется между N -м и $(N+1)$ -м членами, значения которых определяют интервал, содержащий равновесную цену. Только с этим обстоятельством может быть связана неоднозначность цены. При этом каждая из границ интервала, в котором заключена цена, может с равным успехом совпадать с ценой спроса либо предложения или с «верхней» либо «нижней» границами цены в традиционной терминологии.

Если теперь ограничиться только эффективными вариантами, то есть только такими вариантами производства и потребления, для которых цена предложения ниже, а цена спроса — выше равновесной, то и для множества таких вариантов равновесная цена окажется медианой. Арифметическая средняя из цен спроса и предложения может с ней совпасть или не совпасть — в зависимости от того, будет распределение цен симметричным или нет. При симметричном распределении эффект между производителями и потребителями распределяется поровну, при несимметричном — разность между арифметической средней и медианой характеризует разность (положительную или отрицательную) между экономией у потребителя и прибылью производителя. Таким образом, произвол в распределении эффектов устраняется.

Разумеется, это концентрированное изложение не дает никакого представления о том, как написана диссертация. Написана же она вполне по-гальперински: это свободное рассуждение с привлечением едва ли не всей микроэкономики, это сопоставление любого тезиса с тем, как на данный вопрос смотрели далекие предки и как на это смотрят современники — «наши» и «не наши». Кажется, для автора не существует тех бесчисленных табу, которыми охранялась чистота советской экономической мысли. Он цитирует современных западных авторов не в порядке «критики современных буржуазных теорий», а по существу. Единственный вид уступки, который он себе позволял, это примерно такие дипломатичные (следовательно, не лишённые лукавства) фразы: «Не касаясь здесь системы взглядов имярека в целом, приведем лишь его суждение о...»

Широта охвата материала и свобода изложения создают впечатление, что диссертация явилась для автора единственной в то время возможностью изложить «гальперинскую микроэкономiku». В ней те же сюжеты, которые впоследствии будут использованы в учебных текстах, и те же литературные приемы. Есть здесь обширный раздел о производственной функции, где мы встречаемся с Катонем, Варроном и Марксом. А капитализация потока будущих доходов иллюстрируется через формирование цены на античного раба (при подготовке журнала «Экономическая школа» Вадим Максович предложил разработку этой темы молодому автору).

Свое стремление приобщить русскоязычного читателя к мировой экономической мысли Вадим Максович реализовал в серии хрестоматий «Вехи экономической мысли», где он выступил в качестве составителя и научного редактора трех томов, посвященных теории спроса, теории фирмы и теории факторных рынков. В издания вошли переводы фундаментальных статей У. Джевонса, Ж. Дююи, Дж. Хикса, Р. Коуза, Г. Хотеллинга, Э. Чемберлина, М. Фридмена, Г. Саймона, Дж. Стиглера, П. Самуэльсона, Г. Беккера, А. Алчиана и других известных экономистов прошлого и настоящего. Кроме того, он редактировал переводы современных книг — Ж. Тироля, М. Альбера, С. Бриттана.

Еще одна важная сторона работы Вадима Максовича — разработка русской экономической терминологии. В статье «Слово о словах», опубликованной в журнале «Экономическая школа», он описывает «заключения» некоторых центральных терминов экономики в русском языке. Большинство понятий экономики родились в англосаксонской среде, и современная терминология изначально создавалась на основе английского языка. Прекрасно зная кроме английской еще и немецкую и французскую терминологию, Вадим Максович стремился найти наиболее точное русское обозначение понятия. В частности, он перепробовал различные варианты русского эквивалента *present value*, проверяя их на свой слух и на слух собеседников:

— Сегодняшняя ценность? Но «сегодня» — это целый день, это отрезок времени, а нужен — момент. Теперешняя? По смыслу подходит, но стилистически никуда не годится. Актуальная? Строго говоря, правильно и хорошо соответ-

ствует французскому, но по-русски будет восприниматься не так, как надо. Придется оставить традиционное: приведенная ценность.

Своими размышлениями по поводу семантики тех или иных терминов Вадим Максович делился с читателями и в подстрочных примечаниях, и в основном тексте своих работ. Так, упоминая книгу Д. И. Пихно «Торгово-промышленные стачки», он замечает, что слово «стачки» здесь не имеет никакого отношения к забастовкам рабочих (попутно указывая итальянский источник *basto* — довольно), что происходит оно от глагола «стакнуться», что в свое время оно было синонимом слова «сговор» и что оно является эквивалентом английского *collusion*.

О языковой интуиции Вадима Максовича свидетельствует такой эпизод. Он поручил мне редактировать перевод знаменитой статьи Д. Бернулли для первого выпуска «Вех». Статья была написана по-латыни и опубликована в ученых записках Петербургской академии за 1738 год, но основным источником бернуллиевского текста в наше время было немецкое издание 1896 года. Я сверял русский, а заодно и немецкий перевод с латинским оригиналом, а со всеми сомнениями обращался к Вадиму Максовичу.

— Как перевести *valor*? В классической латыни такого слова не было, а словарей средневековой латыни нигде нет.

— Да это *value* со всем спектром значений. Что там по-немецки? *Wert*? Ну вот видите. А по-французски — *valeur* с теми же значениями. По контексту здесь лучше всего подойдет оценка.

Он оказался прав: в конце концов я нашел *valor* в итальянском этимологическом словаре, где говорилось о происхождении итальянского *valore* — все с тем же самым набором значений.

Резкий протест у Вадима Максовича вызывали такие термины, нередко встречающиеся в русских переводах, которые представляют собой грубую кальку с иностранного языка, чаще всего переводчик просто использует прием транслитерации английских слов. «Кому нужна “аллокация”? Есть нормальное русское слово “размещение”». Об этом же он писал в статье «Экономикс, сиречь наука экономическая», посвященной истории слов «экономика» и «экономическая теория».

Многие статьи для журнала «Экономическая школа», особенно для его первых выпусков, писали молодые люди — студенты, аспиранты. Вадим Максович курировал эту работу, предлагая начинающим авторам темы, литературу, обсуждая с ними написанное. Но и не очень молодые авторы вроде меня ощущали потребность в его советах, в критической оценке, в его неожиданных суждениях о, казалось бы, понятных вещах. В то время Вадим Максович работал в лаборатории ценообразования, помещавшейся под самой крышей финансово-экономического института. И когда у кого-либо возникали затруднения, ему говорили:

— Поднимитесь к Гальперину!

А. Г. Слуцкий

О Вадиме Максовиче Гальперине

Не могу понять, почему так трудно это сделать... — передать то ощущение, которое я испытывал всегда при встречах с Вадимом Максовичем и которое испытываю сейчас, вспоминая его. Это то же самое, что рассказать о любви. Точнее, это и была любовь — не почтение, не восхищение, а именно ожидание и обожание каждого его движения взгляда, слова, жеста, действия. Я наблюдал за ним, как за волшебством природы, как за морем, ливнем, грозой, как за игрой замечательного актера, музыканта. Наблюдал, ощущая неповторимость происходящего, хотя бы это было просто выкуривание сигареты в курилке Публички или молчаливая работа над каким-то текстом в голубятне Лаборатории цен.

Иногда Вадим Максович, скупой на жесты, сопровождал речь мягкими, медленными движениями руки, напоминающими дирижирование спокойной лирической музыкой. Чувствовалось — по этому движению и по голосу, — что речь идет о чем-то крайне дорогом ему.

Вы наверняка тоже не раз замечали, что с возрастом большинство людей неоднократно рассказывают одни и те же сюжеты, это почти неизбежное следствие ослабления памяти. А вот Вадим Максович этим не отличался. Почему? Конечно, у него была хорошая память. Но не в этом, по-моему, дело, — годы берут свое. Мне кажется, что ключ в его отношении к ценности слова. Немногословность, просто-таки скупость на слова была его характерной чертой. По-моему, за этой словесной скупостью скрывалась выстрадавшая жизненная позиция: человек должен научиться сам, лишнее слово не только может помешать ему, но и лишает его радости творчества и открытия. Как-то в разговоре он выразился примерно так, сопоставляя возможность учиться у кого-то с возможностью самообучения: «От книги к книге, от одних вопросов к другим, — другой путь опасен».

Вадим Максович попросил помочь отобрать англоязычные книги для Европейского университета из американской гуманитарной помощи. Книги лежали в обменном фонде библиотеки им. В. В. Маяковского на Московском проспекте. Мы возвращались вместе по направлению к Техноложке. Вдалеке просматривалась башенка на одном из домов (кажется, на углу с ул. Жени Егорова). Вадим Максович обратил мое внимание на эту башенку — что-то тронуло его в ее графике и в той перспективе, в которую она была вписана... Чуть прошли еще. Он говорит мне, что я похож сейчас на кого-то с картины Веласкеса. Он воспринимал «пространство» глубоко эстетически.

Как-то я увидел Вадима Максовича, идущего по Садовой от Гостиного Двора к Лаборатории цен. Шел он очень медленно (больные ноги), в руках газета. Прочитает немного, потом идет, глядя вниз, сосредоточенно. И так все время — кусочек текста, взгляд в землю. Не помню конкретные вопросы, которые он за-

давал иногда в связи с новостями. Помню только, что из них следовало, что он, читая газету, непрерывно занимался экономико-теоретической интерпретацией. Как-то он сказал, что в определенный период (в советское время) ему удавалось предсказывать дальнейший ход событий. Это не было претензией на пророчество, скорее наоборот — о том, как трудно это было делать.

Это точно было в 1989 году. Мы обсуждали выбор темы моей диссертации. Кажется, на самом предварительном этапе. Он спросил, что мне интересно. В это время в какой-то газете была опубликована очень большая статья о НЭПе, и мне тема показалась интересной. Я был просто сражен его короткой, спокойной, даже тихой, но от этого, пожалуй, еще более выразительной фразой, сказанной как бы в сторону, — вроде «сейчас многих потянуло на НЭП». Все. Никаких разъяснений, но тема закрыта. Далеко не сразу — я понял почему.

Вадим Максович (наблюдал то же у Виталика Гальперина) очень непривычно для меня знакомился с книгой. Он не смотрел оглавление, по крайней мере сначала. Он ее быстро пролистывал, иногда останавливаясь и прочитывая несколько предложений. Вероятно, это была как эстетическая, так и содержательная оценка.

В связи с моей диссертацией Вадим Максович спросил как-то, читал ли я статьи Виктора Николаевича Богачева. Тогда как раз была опубликована его статья «Монополия в советской экономике». «Его, конечно, иногда заносит, но у него золотое перо». Выражение «золотое перо» было произнесено так, как будто действительно есть золотые перья, — некая тайна чудесного языка, свойственная немногим. И добавил: «А выглядит он как будто от пивного ларька отошел». И все это говорится спокойно, медленно, с джокондовским рисунком рта — один край вверх, второй вниз. Видимо, для него была интересна эта загадка происхождения языка Богачева.

Ни разу не слышал, чтобы Вадим Максович рассказывал анекдоты или передавал кого-нибудь в лицах. Ни разу не слышал его звучного смеха. Только улыбка, хотя чувствовалось, что она могла быть и до слез.

Мне кажется, что «стилистика» поведения Вадима Максовича схожа со «стилистикой» Иосифа Бродского. Для Бродского была важна уникальность его мыслей. Для Вадима Максовича не менее важна была принадлежность к научной культуре, которую можно выразить его же словами: «Мир не вчера появился — все уже давно придумано».

Как-то на заседании редколлегии «Экономической школы» Вадим Максович бросил: «Таксист говорит: “Убил бы Ельцина за эти реформы”. Как можно такое говорить? Это же безбожно...»

Не помню контекст разговора, в котором я с улыбкой произнес: «Наука требует жертв». Отклик Вадима Максовича на эту банальность был неожиданный: «Это немногие понимают». В интонации чувствовалась и значительность, и осознанность принесенных жертв.

Помню прощание с Виталиком в морге Мечниковской больницы. Вадим Максович подошел ко гробу. Тело Виталика было задернуто белым. Вадим Мак-

сович склонился у его головы и что-то тихо проговорил, так, как будто Виталик его слышал.

Из воспоминаний коллег о В. М. Гальперине

А. М. Бреговский

Я не могу в деталях вспомнить мою первую встречу с Вадимом Максовичем. Кажется, это случилось в то время, когда я только начал работать в «Экономической школе». До этого я много слышал о В. М. от Нины Эфрос, которая работала в Лаборатории и с восторгом отзывалась о нем как о выдающемся ученом.

Но с самой первой встречи В. М. поразил меня своей искренностью, органичностью и естественностью поведения. При этом масштаб личности проявлялся сразу же. Он не казался, а был. Поражали его поистине энциклопедические знания не только в экономических науках, но и в различных гуманитарных областях. При этом он не был дилетантом и в этих познаниях. В. М. не только не подавлял собеседника своей эрудицией, а удивительно просто, скромно и ненавязчиво излагал свои взгляды.

В. Е. Есипов

В 1968 году была создана Ленинградская лаборатория НИИ цен. В. М. Гальперин был приглашен на работу старшим научным сотрудником.

Обязательность и доброжелательность по отношению к своим коллегам и обязанностям. Участие в научной разработке методики оценки эффективности новой техники.

И. А. Желтякова

В. М. Гальперин в 1974 году был оппонентом моей кандидатской диссертации.

Преданность науке.

Создание учебника по микроэкономике.

С. М. Кадочников

Мое знакомство с Вадимом Максовичем состоялось на одном из заседаний редколлегии журнала «Экономическая школа», где я не раз бывал по приглашению Михаила Алексеевича Иванова, когда приезжал в Санкт-Петербург. По-видимому, это был 1999–2000 год.

Для меня очень яркой была пронизательность Вадима Максовича. Помню, как обсуждали один из выпусков журнала, который должен был быть посвя-

шен теории международной торговли и в котором я планировал принять самое активное участие, завязалась дискуссия о предмете этой теории, ушедшая в «дальние дали». Я, очень молодой человек, был внимательно заслушан аудиторией, а Вадим Максович завершил разгоревшийся спор очень простым замечанием, из которого следовали его невероятное внимание к глубинным теоретическим аргументам, его пронизательность.

Формирование вокруг Вадима Максовича когорты людей, трепетно относящихся к глубокой теории и ценящих свободное мышление.

Г. А. Маховикова

Впервые встретила с Вадимом Максовичем в стенах Горного института, где в то время располагалась Ленинградская лаборатория НИИ по ценообразованию, которую возглавлял Ю. В. Яковец.

Невозмутимость, большой профессионализм.

Адаптация зарубежного опыта преподавания микроэкономики к российским условиям.

Б. И. Табачникас

Познакомился с Вадимом Максовичем на Невском машиностроительном заводе, где он работал зав. экономической лабораторией и занимался вопросами ценообразования. При первой же встрече он поразил меня своей эрудицией и нестандартным для того времени «рыночным» мышлением.

Основные черты личности Вадима Максовича — глубокий аналитический ум; талант исследователя; твердость, иногда даже жесткость при защите своих научных взглядов; любовь к литературе, к искусству; тонкое чувство юмора.

Считаю Вадима Максовича пионером в области современных экономических теорий, неведомых до начала 1990-х подавляющему большинству экономистов, «носителей» ученых степеней и званий. Его статьи, публиковавшиеся в доперестроечные времена в центральных экономических журналах, поражали своей оригинальностью и убедительностью аргументации. В его учебнике «Микроэкономика» изложены не только положения этой теории, но и выводы новой институциональной теории фирмы. Многие справедливо считали его ученым экономистом номер один нашего города.

Н. Л. Эфрос

Поэзия была другой страстью Вадима Максовича.

Он понимал стихи так, как он понимал все окружающее, в том числе политику, людей и экономику, — каким-то своим, оригинальным образом. Знал много стихов наизусть, любил одних поэтов и ненавидел других и никогда не шел на компромисс. И не имело значения — были ли это стихи, начальники, законы экономики или поглощение шоколада на фоне диабета.